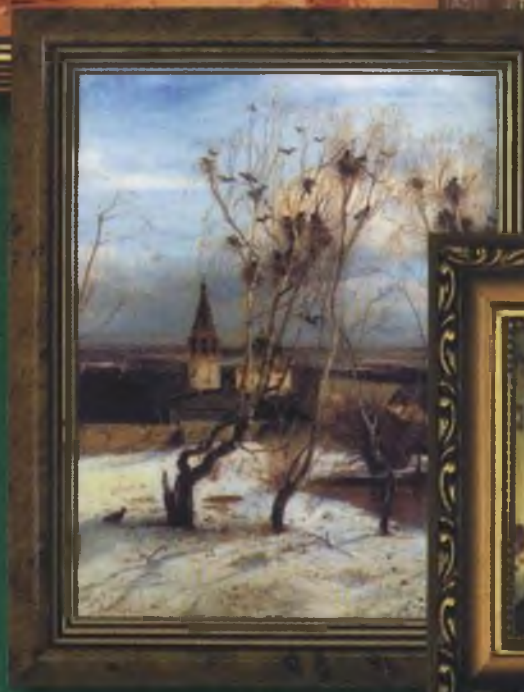

85.143(2)
Б-77

Н. БОЙКО

ИСТОРИИ ЗНАМЕНИТЫХ ПОЛОТЕН

«Рожь»

Когда Шишкин делал еще только первые шаги в живописи, в Москве была выставка Айвазовского. Иван с великим волнением и осторожностью, чтобы не нарушить торжественной тишины залов, переходил от картины к картине, сдерживая даже дыхание, но не в силах унять гулкого стука сердца. Он почти физически ощущал глубину моря, его живое, осязаемое дыхание. Он не пытался понять феномен Айвазовского, скорее хотел понять себя самого. Он смотрел на море, а в памяти всплывало море Закамских лесов, синие дали, осенняя желтизна хлебов, косари в распущенных длинных рубахах, краснощекие девки, ловко и туго стягивающие жесткими связями ржаные снопы; и песни — протяжные, раздольные и печальные, как осенние поля.

— Как Бог пишет этот Айвазовский! — поделился впечатлением сокурсник Ивана, когда, осмотрев выставку, вышли на улицу.

— А я знаешь, о чем думал? Если море так хорошо на картинах, разве нельзя столь же превосходно писать и остальную природу? Ведь это же невозможно как было бы хорошо!

С тех пор зрела в Иване Шишкине, ждала своего часа мысль о чем-то значительном, счастливом. Он ее чувствовал, эту мысль; хотелось написать пейзаж, в котором бы с предельной ясностью выразилась любовь к жизни, к земле, людям. Он еще не знал, не мог себе представить, что это будет за пейзаж, лишь смутным преддверием жила в нем и не давала покоя мысль об этой прекрасной картине.

«Какая тайна и радость заключаются в окружающей нас природе! — делился он в письмах к отцу. — Сможет ли когда-нибудь человек все до конца понять или это невысказано, невозможно? Все думаю, думаю, как это перенести на холст? Да сумею ли?»

«Сумеешь», — отец не сомневался в сыне. Сам он дописывал «Историю города Елабуги», и этим светом озарена была его жизнь. Ухлопав свои небольшие средства на восстановление древней башни на Чертовом городище, он из третьей купеческой гильдии перешел в мещанство. Но разве в деньгах счастье? Счастье — в самой жизни! Хотелось так прожить, чтобы все вокруг стало лучше...

«Верь в себя, Иван, — писал он сыну, — ты еще такое сотворишь, что ах-нем все!»

Но отец не дожил до того лета, когда приехал Иван Иванович в родную Елабугу уже маститым художником, у полотен которого, как и у полотен

Рожь. 1878

Айвазовского, часами стояли люди в задумчивости и удивлении: как же простыми красками можно передать столько?

Стояла отрадная пора сенокоса. Шумные июльские дожди стремительно пронеслись над лесами и папьями, цветное коромысло радуги одним концом падало в Каму, другим в Тойму, и все вокруг звенело, сверкало, полнясь бодрящей свежестью.

Шишкин любил солнце и день. Он много ходил и все чего-то искал, искал... высматривал и почти ничего не писал.

Но вот он набрел на ржаное поле и поразился его величию, размаху. Под тяжестью крупных колосьев стебли слегка наклонились, и тихий, чуть слышный звон плыл над полем в сухом горячем воздухе. И откуда-то издалека, то ли из прошлого, то ли из будущего, брели навстречу могучие, состарившиеся в пути сосны. Шишкин сел прямо на траву, обхватил руками колени и замер.

Созревшие колосья шелестели у самого уха. Низко над полем, чиркая крыльями по ржи, носились ласточки, видно, к дождю. И горизонт был затянут пепельно-сизой предгрозовой морочью. Но до грозы было еще далеко. Жарко синело в зените над головой небо, душисто млела трава, отдавая пыльной горечью, и так волнующе-спокойно было вокруг, что временами казалось — и не сидишь ты, а вместе с землей, вместе с этим золотистым полем и знойным предгрозовым небом, с этой пахучей теплой травой плывешь куда-то высоко-высоко, и полет этот длится долго-долго, тысячи лет...

Мир словно распахнулся перед Шишкиным. И то, что долгие годы теплилось в душе смутным, неясным ожиданием, предчувствием чего-то большего и прекрасного, вдруг отчетливо возникло и предстало перед глазами. Иван Иванович поднялся и, как пьяный, побрел вдоль поля, трогая руками колосья.

В тот же день, не переводя духа, написал один за другим несколько этюдов. — Нашел! — восклицал он. — Нашел, наконец!

Все последующие дни он писал и писал. Рыжая колея дороги, вильнувшая и скрывающаяся во ржи, сосна, словно подпирающая небо своей зеленой верхушкой... Работал без усталости, жадно, с удовольствием. Лишь к вечеру начинал чувствовать, как деревенеет спина и немеют пальцы рук.

Лето кончилось. Иван Иванович вернулся в Петербург. Картина, в сущности, была начата, она жила в многочисленных этюдах, в мыслях и сердце художника. Он видел ее, знал, чего хочет, работал с подъемом и написал в короткий срок.

Всю зиму с Финского залива дули сырые промозглые ветры, а дома у Шишкина, в его мастерской, стояло лето, и воздух был пропитан предгрозовой свежестью, запахом спелой ржи...

— Батюшки! — был ошеломлен художник Крамской, войдя однажды к Ивану Ивановичу и увидев законченную картину. Поле спелой ржи размахнулось во всю ее двухметровую ширь; бескрайнее, оно выходило за рамки картины и не было ему конца. — Что же вы натворили, Иван Иванович! Ах, какое богатство!

«Рожь» стала гвоздем Шестой выставки художников-передвижников. Картина поражала своим композиционным размахом, и все удивлялись — как, в сущности, на небольшой площади художник смог развернуть такое огромное, почти необозримое пространство? Никто не мог сказать, откуда простота и волнующая, проникновенная поэзия? В мягкой ли, чистой, какой-то даже трепетной зелени, обрамляющей поле, в дороге ли, уходящей в глубину этого поля, в высоком ли небе или той непередаваемой любви художника к родной земле, из которой и явилось это чудо? Можно говорить о чем угодно, но главного так и не скажешь, потому что главное ведомо только самому художнику.

— Чувствуйте, ради Бога, чувствуйте, а не притворяйтесь! Пойте как птицы небесные, своими голосами! — наставлял художник Крамской молодых живописцев, указывая на полотно Шишкина. — И ничего не бойтесь, никаких терний в пути, ибо к истине есть только один путь — откровение.